

Юрий Аракчеев — известный прозаик и публицист. Первый его рассказ «Подкидыш» в 1965 году напечатал в «Новом мире» А. Т. Твардовский. Автор сборников прозы, а также документально-художественной повести «Пирамида», вызвавшей большой читательский резонанс.

ОНА РОДИЛАСЬ не только в нашей стране и не в 17-м. Много, много раньше. «Каин, Каин, где твой брат Авель?» — вопрошал Бог того, кто убил брата своего из зависти. В 1917-м зависть и ненависть были возведены у нас в закон. Официально «классовая борьба», слава Богу, отменена у нас в августе 91-го, но лишь официально. Яд, к великому сожалению, продолжает действовать, и то, что происходит теперь, далеко не случайно.

Брат идет на брата, ненависть разъедает души, святая потребность в свободе рождает отвратительное стремление подавлять и убивать тех, кто дерзает быть не таким, как ты. «Каин, Каин, где твой брат Авель?»

Конечно, каждый понимает свободу по-разному. Но неизбежно понять всем нам одно: желание возвыситься над другими — награбить, поработить, уничтожить — не освобождает, а только еще больше закрепощает. Нас же.

Вспомним хотя бы совсем недавнее. Ну вот историческое «Беловежское соглашение», например. Почему произошло это, одно из самых черных, на мой взгляд, событий нашей истории последних лет? Имею в виду, конечно, не сам по себе роспуск Союза нерушимого республик свободных, который якобы «сплотила навеки великая Русь». Черное тут другое: не разумное, выстраданное желание покончить с империей, а то, как оно было реализовано. Поспешно, во многом легкомысленно, безответственно... Ведь не случайно мы жили вместе так много лет. И не все было плохо в нашей совместной жизни. Ведь дружба между нациями на самом деле была, несмотря на издержки, объяснявшиеся все-таки не совместной жизнью вовсе, а большевистской дурью. Но не на дурь подняли руки — на совместную жизнь. А почему?

ОЧЕНЬ уж захотелось самим — без ненавистного Центра во главе с надоевшим Горбачевым — по властвовать. И настолько сильно было это желание, что не думал никто ни о чем большем. Ни о том, что нарушают веками сложившиеся связи людей, ни о том, что если уж делать такое, то, во-первых, нужно бы и согласия народов спросить, а во-вторых, сделать и еще кое-что одновременно и непременно — чтобы сохранить хотя бы экономику, потому что страны — это ведь не детские кубики, сложенные в пирамидку, — в странах живые люди, им кушать, одеваться, общаться надо. А в-третьих, посмотреть вперед, просчитать последствия. Теперь-то видно, что они оказались едва ли не трагическими...

А возьмите налоги, задушившие иппе производство, превратившие тружеников в «посередников» и спекулянтов. Почему они у нас такие большие, настоящие драконовские? Может быть, средства, получаемые

от них государством, идут на строительство, на невиданное повышение зарплат бюджетников — учителей, врачей, милиционеров, военных? Да нет же. На само государство они идут все больше. На аппарат — гигантский, превзошедший именно теперь, с приходом «демократов», все прежние меры. Растущая, как на дрожжах, чудо-

Со своей колокольни

БЕСОВЩИНА

вищия армия паразитов-управленцев — избранных, возвышающихся как бы надо всеми другими, неизбранными...

А привилегии? Ведь они нынче у бывших доблестных борцов с ними превышают все мыслимые рамки — оклады, бесконечные поездки за границу за наш с вами счет, личные самолеты, те же особые санатории и поликлиники, что принадлежали высокопоставленным бывшим, новые шикарные особняки... Но ведь каков поп, таков и приход, — те, что рангом поменьше, тоже подтягиваются. Наперегонки. У многих директоров заводов, фабрик теперь зарплата такая, что об этом лучше не говорить: сколько получают рабочие, специалисты, известно, а вот сколько директоров — нет. Скромность это, понимаете ли. Неудобно, если все увидят, какая это огромная сумма. Стыдно будет. И небезопасно...

Ах, ну как же мы любим самостоятельность, избранность, как обожаем самих себя и как же хочется, чтобы в этом нам никто не мешал. Окружающие, правда, постоянно мешают. Народ...

Но ведь и народ тоже. Ну, скажите, какая разница — грузин ты или абхаз, осетин или ингуш, русский или еврей, серб или мусульманин? Разве есть нация, в которой не было бы подлецов, лгунов, прощелыг? И наоборот, разве любая нация не рождала хороших людей, героев? Ведь все эти расовые различия выдуманы ими же, бесами, чтобы разжечь ненависть, чтобы натравить одних на других, а самим — встать во главе! Возвыситься, властвовать! Любими средствами, любимыми методами, лишь бы насладиться ощущением якобы своего могущества, превосходства, якобы значительности своей. Очень хочется. Очень! Но ведь народ поддается, вот в чем дело. Поддерживает бесов своих, не гонит прочь, как Христос гнал свиней с обрыва.

А ведь обузанные бесовщиной несчастны, лично я в этом глубоко убежден. Достаточно посмотреть на их лица. Ни любви,

ни обаяния, ни радости жизни. Страх потерять свою власть или несправедливо нажитое богатство, постоянная обида на тех, кто якобы недооценивает и завидует, пресыщение нахапанным и украденным, больная, вопиющая совесть. Думаю, ошибаются те, кто считает, будто люди жадные и властолюбивые лишены совести. Не случайно эсэсовцы, к примеру, — да и сам Гитлер, как известно, да и Сталин иногда были очень сентиментальны. Это тоненькой струйкой истекла больная совесть.

Но Бог с ними, с преступни-

ками, их все-таки не так уж и много. Гораздо хуже другое. Достаточно каждому из нас честно и смело заглянуть внутрь себя, как... Скажите: ну разве не хочется почувствовать себя хоть чуть-чуть самым-самым, хорошим-хорошим, умным-умным, любимым-любимым? И чтоб все вокруг с тобой соглашалось. И — подчинялось. А если не любят, то хоть чтоб боялись. Хочется ведь. Даже очень! А работать, трудиться, признать себя иной раз не таким уж хорошим на самом деле? С этим похуже. Иногда ну просто немогут. Что же получается?

А ПОЛУЧАЕТСЯ то, что мы разъединены. Мы ненавидим чужое мнение и вообще все, чего не понимаем и что не наше. Мы не уважаем ни природу, которая создана не нами, а на равных правах с нами! — ни соседей, ни даже детей своих. Так трудно признать нам, что в сущности любой человек имеет такое же право на существование, как и мы. Даже дети наши тоже созданы ведь не нами, а природой, — мы даже не имеем права называть их своими только на том основании, что родили. Вот если воспитали достойно, если духовно выпестовали — тогда другое дело, но и тогда обязаны оставаться с ними полное право самостоятельно распоряжаться собой.

Мы не уважаем даже самих себя. Уважение предполагает признание ценности жизни: природой даны нам тело и разум, а как мы обращаемся с ними, как распоряжаемся этим богатством? Порой стыдно сказать.

Уважение предполагает признание самостоятельности, прав любого живого существа — и растения, и животного, и человека. Многие ли из нас могут похвастаться этим? Конечно, мы вынуждены губить растения и животных, чтобы прокормиться, так создала нас природа, но имеем ли мы право губить по ненадобности, по легкомысленной прихоти, по халатности, просто так?

В социальном же плане в своей стране мы — по крайней ме-

ре большинство из нас — до сих пор не осознали простейшей. казалось бы, истины: начальник любого ранга есть точно такой же человек, как и его подчиненный с точки зрения человеческого достоинства. И никакой пост, даже наивысший, не дает ему права считать себя Богом или хотя бы подставителем Его на Земле, а подчиненным соглашаться с этим. Каждый человек в равной степени несет в себе Божью искру, право на жизнь, недаром и в Евангелии сказано, что в Царстве Божьем малое станет большим.

Да, есть известная сентенция. что «всякая власть — от Бога». Ее взяли на вооружение властолюбцы и гордцы, а мы соглашаемся удрученно: ла-да, от Бога, а значит, каждый начальник немножечко Бог... Но ведь «от Бога» власть не более чем вообще все в этом мире. Точно так же «от Бога» и наше неприятие несправедливой, лживой власти.

Насилие и ложь дождаются. может быть, и не в нас, но живут они через нас. Их питательная среда — наши души. И если мы позволяем им торжествовать над нами — мы гибнем сами и губим других.

«Каин, Каин, где твой брат Авель?» — с печалью вопрошал Бог того, кто убил брата своего, посчитав, что так он возвысится сам. А ведь возвыситься истинно можно только через самих себя и только через добро. Только победив беса в себе, можно одержать победу над мраком и злом в масштабе всеобщем.

Для себя я знаю: каждый раз, когда хочется во что бы то ни стало настоять на своем — вопреки логике, вопреки разуму, — посчитать себя — просто так, от природы — лучше всех, умнее всех... каждый раз, когда хоть немного мучает зависть — не белая, сопряженная с восхищением и уважением, а черная, низкая, питаемая неблагодарностью к судьбе и обидой... каждый раз, когда вместо того, чтобы напрячься и сделать то, что необходимо сделать, мне хочется уклониться, уйти в кусты, найти причину в догмах или в обстоятельствах, которые якобы неблагоприятны... каждый раз, когда невыносимо хочется подчиниться чужой агрессивной воле и изменить тому лучшему, что во мне есть от природы... я лицом к лицу сталкиваюсь с ней — с бесовщиной. И я должен, обязан просто напрячься, преодолеть ее, хотя это бывает иной раз очень и очень трудно.

Бесконечная борьба, ввы, неизбежна. Но печали нет. Ибо даже малая победа в этой борьбе приносит самое ценное, что есть в этой жизни, — радость.

ЮРИЙ АРАКЧЕВ.